

Александр ДЕНИСЕНКО

«БЕЛЫМ-БЕЛО СЕГОДНЯ В НСО...»

...Безмерно горестно сегодня в НСО: ушел из жизни Александр Иванович Денисенко — большой русский поэт.

Он никогда не продвигал себя и свои стихи, он даже мыслью допустить не мог, что такое возможно. Зато он деятельно и горячо, без толики сомнений, поддерживал и приободрял своих друзей и тех пишущих людей, которые ему казались симпатичными.

А высшим проявлением этой нежной, жалеющей и никогда не спящей любви были, конечно, его тексты — его стихотворения и его проза, которая суть поэзия.

Сострадание к людям и вообще искреннее сострадание ко всему живому — вот в этом весь Александр Денисенко...

*Грусть невестина. Идет теплый снег.
Все поставлено на свои места.
Мне невесело. Я люблю вас всех,
Кто любить меня перестал.*

Нет, дорогой Александр Иванович! Мы не перестали тебя любить и не перестанем. И ты, знаем (ибо хорошо знаем тебя), нас тоже любить не перестанешь. Даже оттуда...

И меньшее, что мы можем сделать прямо сейчас, — перечитать те стихи, что навеки вошли уже в историю русской литературы. И стать, быть может, хоть чуточку добрее и лучше.

Белым-бело сегодня в НСО,
Снег подвенечный падает, кочует,
И тут же рядом лошади ночуют,
Как девушки, пока не рассвело.

Вся эта жизнь зовется Боже мой,
И не хочу я больше быть красивым,
Я только буду вас любить, пока живой,
Со всею силой.

По леву руку — левый, нежный снег,
По праву — темно-синий, деревенский,
Посередине — торопливый тусклый след —
Ревнивый, задыхающийся, женский.

То сладкая, то горькая любовь,
То глупая, то со звездой, с губами,
С чудесными старинными словами —
То сладкая, то горькая любовь.

Дед Валера

Умер дед. Семья сидит у тела.
Самый старый дед в селе Мотково,
Самый-самый старый дед Валера
Будет жить на небе голубом.

Дед отцвел. Про тонкую рябину
Замолчал его аккордеон,
Перед смертью он сходил на почту,
Пацанам раздал аккредитив.

Я-то знал, что деда умирает...
Мы соседи. Через городьбу.
Светлый стал. Глядит невыносимо.
Я сосед его. Колхозный тракторист.

Надо ж быть мальчишкой, кавалером,
Чтоб с такой улыбкой помереть.
Бабы его белым коленкором
Спеленали, будто он родился,
Мужики на белых полотенцах
Отнесли, наверно, в самый рай.

Брат мой, Саша, из пединститута,
Раньше брал у дедушки фольклор,
А теперь сидит, тоскует, курит,
Повторяет: замять... синий цвет...

Так мы дедушку весной и схоронили.
День был серенький, но чей-то самолет
Прозвенел над тополем, заврался...
Видно, летчик деревенский был и вот
С нашим дедушкой на небе повстречался.

* * *

Николаю Шипилову

За деревней, в цветах, лебеде и крапиве
Умер конь вороной во цвету, во хмелю, на лугу.
Он хотел отдохнуть, но его всякий раз торопили,
Как торопят меня, а я больше бежать не могу.

От веселой реки, по траве, из последних силенок,
Огибая цветы, торопя черноглазую мать,
К вороному коню, задыхаясь, бежит жеребенок,
Но ему перед батею уже никогда не сплясать.

Председатель вздохнет, и закроет лиловые очи,
И погладит звезду, и кузнечика с гривы смахнет,
Похоронит коня, выйдет в сад покурить среди ночи,
А потом до утра своих глаз вороных не сомкнет.

Затуманится луг. Все товарищи выйдут в ночное,
А во лбу жеребенка в ту ночь загорится звезда,
И при свете ее он увидит вдали городское
Незнакомое поле. Вороного тянуло туда.

За заставой, в цветах, лебеде и крапиве
Умер русский поэт во цвету, во хмелю, на лугу.
Он лежал на траве, и в его разметавшейся гриве
Спал кузнечик ночной, не улегшийся, видно, в строку.

И когда на заре поднимали поэты поэта,
Уронили в цветы небольшую живую тетрадь,
А когда все ушли, из соседнего нежного лета
Прибежал жеребенок, нагнулся и начал читать.

Еще не померкли цветы луговые,
 А тополь с женою обнявшись идут,
 И лошади бродят вокруг легковые,
 Цветы непомеркшие бережно гнут.

Учитель с учителькой едут в тумане
 (Крючков — Бархударов да Бойль — Мариотт)
 Крючков-Бархударов смеется на раме,
 А крутит педали мсье Мариотт.

А вот показалась большая большая
 Корова корова — звезда между рог.
 Она наклонилась, теленку читая
 Зеленую книгу, зеленый лужок.

О чем ты так горько задумалось, лето?
 Забыло на резкость поставить узор...
 Стоит восклицательный флаг сельсовета,
 Да школы неполной пронзительный взор

Напомнит, что в этом березовом корпусе
 Есть время, и место, и род, и падеж —
 Где милая мама, как в детстве... не в фокусе...
 Даст хлеба два томика — с Пушкиным съешь.

Пристально

Батюшки-светы, сватья Ермиловна,
 Осень кидается в речку Сартык.
 Кони колхоза имени Кирова
 Стиснули конские рты.

Что рассказать? Возле почты — лыва,
 В лыве корабль да пух петуха.
 Жизнь поутихла, лицо уронила
 В согнутый локоть стиха.

На перевозе — гладкие воды,
 А на другом берегу,
 Как на последней ступеньке природы,
 Тополь застыл на бегу.

Что-то уж шибко он нынче кручинится.
В прошлом году по весне
Берег подмыло — я думал, он кинется
К левобережной сосне.

Сердце ль в обмане, иль мнится мне к вечеру,
Будто на том берегу
Кто-то спустился тропинкой заречною,
А различить не могу.

Завтра десятое августа. Осень.
Осень? Да нет же. Да осень же. Да.
Или почудилось вслед
...и понеже
...сильно-пресильно
...всегда

* * *

Грусть невестина. Идет теплый снег.
Все поставлено на свои места.
Мне невесело. Я люблю вас всех,
Кто любить меня перестал.

Вот начало пути. По нему пойду
Вместе с вами, возьмите, а?
Чтоб не видеть, как бедная церковь в саду
Прячет очи от глаз вытрезвителя.

Сколько ног вышивало мне снег под окном,
А потом, когда пряжа рвалась,
Я прощенья просил у знакомых икон,
Что втоптал эту вышивку в грязь.

Возжалеть бы о прошлом, но черт начеку —
Кони сбились с дороги и встали,
И не могут никак заступить за черту,
Где любить вы меня перестали.

Грусть невестина. Идет вечный снег.
Все поставлено на свои места.
Мне невесело. Я люблю вас всех.

Ну, падай, снег.
Твоя монарша власть
Напоминать, что есть на белом свете
Зима, в которой мама родилась
И стала жить в моем автопортрете.

Огонь весны неистово горит.
Вот женщины пришли. Легли в акации.
Одна из них о счастье говорит
Под музыку Российской Федерации.

Как заплачу я в синие ленты
Перед группой русских цветов
За деревней, которой уж нету,
Лишь осталась кирпичная кровь.

Вещество мое все помирает,
Принимая печаль этих мест,
И душа с себя тело снимает
Среди низко опущенных звезд.

Пока льется из глаз проявитель,
Вижу, как погубили обитель:
Растерзали деревья и доски.
И большие кукушкины слезки.

Красный, как май, жеребец —
Надо ж такому присниться:
Будто бы мать и отец
Едут в деревню ПРОВИНЦИЯ.

Черный, как ночь, жеребец
Должен вот-вот появиться.
Ждут меня мать и отец
В тихой деревне ПРОВИНЦИЯ.

Белый, как снег, жеребец,
Дай мне еще помолиться:
Живы и мать, и отец
В светлой деревне ПРОВИНЦИЯ...

* * *

Я забыл, что со мною случилось
За минувшие несколько лет,
Отчего так душа омрачилась,
Кто убавил в ней ласковый свет...

Этой вежливой жизни изжога,
Выжигая свой жадный узор,
Ничего не жалела живого,
Вынуждая на стыд и позор.

Никогдаже не быть нам счастливыми,
Никомуздо не княжить в любви —
Ангел жизни губами правдивыми
Осень жизни уже протрубил.

Ветер гонит пьянящие волны —
Голова полукружится в дым.
Все быстрее бечева колокольни,
Все блаженней поет серафим...

Облака, что столпились у церкви —
Словно девушки в белом цвету,
Лишь скользнет по ним взгляд офицерский
С сигаретой, цветущей во рту.

По высоким сугробам лабазника
Разливается ласковый свет...
Никакого сегодня нет праздника,
Потому что любви больше нет.

* * *

Чей

чей

чей

ЭТО КОНЬ

ЭТО КОНЬ

ЭТОТ КОНЬ

Оторва Оторвался от железного кольца
И летит — грива льется, как гармонь
Молодого, убитого Германией отца.

Я рвану

этот ситец

этот ситец

от плеча —

На которрром цветут русские цветы —

И пойдет он по кругу сторяча,

Как невест обходя яблонь белые кусты.

Вот уж бабы завыли

завыли

уж сердцу невмочь,

Пляшет с бабами конь вороной вороной —

Все быстрей и быстрей — уж ничем нельзя

помочь,

Как тогда, перед самую войной.

Плачь, гармонь,

да плачь, хорошая,

во все цветы

навзрыд —

В саду Сталина осыпался на гриву весь ранет.

Сам товарищ Сталин на учет сейчас закрыт,

А откроют, когда будет мясоед.

Все пройдет...

солдатка

слезы

черной гривой

оботрет

И прибьет к столбу свое железное венчальное

кольцо

Чтобы конь, хрипя, не рвался из распахнутых

ворот

По дорожке,

занесенной

лепестками,

за отцом.

* * *

Я вспомнил себя и заплакал —

Как мальчиком русским я был,

Как с черной кудрявой собакой

Зеленую землю любил.

Мы жили в Советском Союзе,
Наш дом был у самой реки,
Еще не развязан был узел
Моей и отцовской руки.

Была мне и радость, и вага,
Но что-то случилось в груди,
И хлынула первая влага
Про то, что вся жизнь позади...

— Вставай, — мне шептала собака, —
Уж поздно. Пора на покос. —
Меня обнимала рубаха,
Служившая мне на износ.

Цветы с голубыми глазами
Смотрели мне прямо в лицо —
Мы сразу их с мамой узнали,
Попав в голубое кольцо.

По мокрой росистой дорожке
Мы с мамой шли босиком.
Два низких заросших окошка —
Заброшенный мельничный дом.

В том доме жила одиноко
Колхозная лошадь Звезда,
И часто смотрели из окон
Слепые от жизни глаза.

Из рук моих клевер и донник,
Сомлевший в кошелке, брала,
И вновь ее мельничный домик
Из детства в туман уплывал.

И мама опять улыбалась:
Для Звездочки шторы бы сшить...
И эта житейская малость
Запала на всю мою жизнь.

На этом позвольте закончить:
Мне слезы мешают писать,
Поскольку те горькие очи
Я так и не смог прочитать...

* * *

Между двух январей — грусть утраченных дней,
Пряжа русских стихов бесконечная,
Но летит сквозь снег новогодний век,
И зима, и земля наша вечная.

Мне на окнах зима написала слова,
Чтобы ждал я из леса два дерева:
Одно даст кору, когда я помру,
А другому оплакивать велено.

Не за тот обелиск — будь он ясен и чист,
Что живем снова,
Сочинились слова,
А за ясный огонь: камбий, луб, заболонь —
Видно, близко мои деревья.

* * *

Посадили меня на цепь,
Отошли на сотню шагов,
Сели в пыль на дорожный шов.

Бродит ястреб поверх тополей,
Молодой, вороной мясоед.
О, кошмарный и быстрый, о нет.

Вдруг раздался свисток соловья,
Он упал, как кусок хрусталя,
За пшеничную цепь
Приподнял мою степь
И повлек в голубые края.

Там на небе одно есть село.
Не достанет туда жевело.
Как у первых ворот
Меня встретит народ
Целовать мой запекшийся рот.

А когда я разжал кулаки,
Были полными обе руки
Горьких трав земляных,
А из ран пулевых
Я достал двух шмелей полевых.

Васильков синеглазый комок
Взял с ладони, потупившись, Бог,
Был он в первом ряду
И у всех на виду
На пилотке потрогал звезду.

И стоял я, убитый, в степи,
Куда Бог меня сам опустил,
А навстречу уже
Шли ко мне по меже...
...шмель уснул в моем нежном ружье.

В землю Русьскую мой соловей
Все спешит из небесных полей,
Но тяжелый, как ртуть,
Воздух бьет его в грудь,
Помогите ему кто-нибудь...

* * *

*Памяти
Александра Плитченко*

Черный снег замаячит на взгорье,
И метель дорогих деревень
Нарыдавшись, вплетет в изголовье
Отгоревшую в горе сирень.

Там на небе цвета побежалости,
Разливаясь в причудливый свет,
Просияют печалью и жалостью,
Для которых названия нет.

Вот и хлынула кровь из России,
Вот и замерли руки по швам —
Всем всучили, хоть мы не просили,
Кому срам, кому шарм, кому шрам.

В мавзолее вечернего сада
Поплывет по рукам стеарин,
Есть в России одна лишь награда —
Крест нагрудный из двух крестовин.

Медлительно плывут казанки...
Приют и май на берегу,
Когда звонарь играет склянки
На отуманенном лугу.
Причалим мы. Цветы разбудим.
Досад и лепетов забудем.
В отъезде поле — миру мир,
Друзья удельные мои
И кони пленные и и
Все ниже, ниже наши выи,
Лишь сон в пушистой голове,
Что мы остались одне,
Что мы остались одне
Любить огни городовые.

На ясный огонь

Кто-то в лесу стреляет
Возле родных калин,
А журавли составляют
Самый прощальный клин.

Долго, как в дни Победы,
Смотрит за реку мать...
Жить бы и жить и белой
Людям рукой махать.

Ну что ты, товарищ, ну спи на плече,
Где волос, не собранный в узел,
Чернее вот этих чудесных очей,
Живущих с твоими в союзе.

Ну что ты, товарищ, тоска не пройдет.
Не вешнее лето. Простое.
Вот дождь. Этот дождь постоит и уйдет
За ваше село золотое.

Ну что ты, товарищ, тоска не пройдет,
И так же, как в прежние лета,
Зима нападет и снег упадет
У серых ворот сельсовета.

* * *

Небо над улицей Гоголя милое темное
десять ведь
Вечер чудесные свечи с вечера вздуты
у гордой Галины
Сессия?
Ой да не сессия
Ну так тогда именины

Мальвы наломаны
Мальвы наломаны
Розданы славные

* * *

Покрести на дорогу мне сердце и сокола выпусти,
Отцвели васильки у тебя на высоком лице.
В час вечерний у рожи прощальной прощенье нам выпроси,
Где стонал соловей и дрожали огни на ВЦ.

И за рожей за той, причиняя земле ожидание,
Осень красное платье снимает и дарит тебе.
Вот и будет теперь на лице у меня два страдания:
Как мне вас различать и кого мне любить в сентябре.

Серый гусь просвистит, словно свет собирает от сокола,
И сойдутся они над моей головой в небеси,
И перо упадет мне под ноги с гусяного локона,
Чтобы я написал тебе мертвое слово прости.

Пусть уж лучше, как встарь, золоченым замком сердце заперто,
Пусть соловушка в роже осенней уронит ключи,
А зима подойдет — упадет в этом месте он замертво,
И сожмется сердечко, как красный кусочек парчи.

Я посею цветы по высокому русскому снегу,
Чтоб играла метель в васильки, васильки, васильки,
Но ударил вернувшийся сокол под сердце с разбегу...
...Гусь летит в середине рыдающей русской строки.